

Дмитрий Веденяпин

В мае 1959 года

Когда в антракте
она гуляла по театральному фойе,
разглядывая огромные актерские физиономии на стенах,
к ней подошел
импозантный господин средних лет
в лакированных туфлях и с галстуком-бабочкой.

«Простите, — сказал он низким бархатным голосом
карикатурного соблазнителя, —
мне кажется, я вас где-то видел.
Может быть, на вечерах у Гольденвейзера?»

Почему-то мне стало ужасно смешно,
я не выдержал и расхохотался,
и впервые пошевелился так,
что мама это почувствовала
и радостно улыбнулась седоватому джентльмену,
а на самом деле мне,
сидящему у нее внутри.

Потом она засмеялась и зачем-то сказала:
«Может быть»,
хотя никогда в жизни
не была на вечерах у Гольденвейзера.

Тут появился папа,
и господин в бабочке,
выразив надежду на новые встречи,
галантно удалился,

а мы с мамой продолжали хохотать,
повторяя про себя:
«На вечерах у Гольденвейзера»,
и никак не могли остановиться.

* * *

Памяти пятидесятих

Сквозь белый день цветные пятна, где —
Казалось люди, оказалось время —
Со всеми вместе в снежной чехарде,
Тогда — почти, сейчас — совсем со всеми...

Сквозь черное июльское окно
Лос-Анджелес светился как в кино;
Гостиница переливалась ало,
Дымилась сигарета, и вино
Мерцало.

Любовь, надежда, нежность, страсть и страх,
Как Бим и Бом, сражались с темнотою,
Той, где отель, и той, где снежный прах,
Но комната уже была пустою.

Немного мелодраматично, но
Тут ничего поправить не дано,
Молитвенными не прожечь словами
Разворошенный этот уют,
И только слезы что-то могут тут
И там, как в настоящей мелодраме.

Первая правда

Из заросшей музыкой, как мхом,
Первой правды (небо, окна, стены)
Не видны ни куст, ни стол, ни дом —
Только освещенный угол сцены.

Это не премьеры, не прогон —
Просто репетиция, когда и
Цвет не различает цвета, звон
Сам, где он, звонит, не понимая;

Ритм не держит ритм — и только страх,
Не смущаясь немотою зала,
В белых электрических лучах
Впечатляет с самого начала.

Памяти И.М. Смоктуновского

Все дело в том, что дела нет ни в чем.
Есть человек и голос, говорящий:
«А ты, Аринушка, Миней б разогнула,
Да житие святого Иоанна Ветхопещерника прочла бы мне».

Бояре, стольники, сокольничьи, собаки,
Конечно, тоже были, но не зря
Театр (весь мир — театр) тонул во мраке,
Свет был направлен только на царя.

И было все понятно: Гамлет, князь
Мышкин, Юра Деточкин, — вот доблесть
И честь... Так образ входит в образ...
Я весь спектакль сидел не шевелясь.

Тогда в Москве еще существовал
Ряд крайне одиозных представлений
О том, что нужен Бог и важен гений...
Потом зачем-то дали свет на зал.

Наверное (как выражались встарь)
Рискуя показаться попугаем,
Я все же проскриплю: у нас был царь —
Юродивый — и жизнь была другая.

* * *

Когда мне говорят «начало века»,
Я думаю про тот, конечно, век,
Где Блок на фоне университета
Идет сквозь мягкий довоенный снег.
Потом, конечно, лето, музыканты,
Люстриновые пиджаки,
Пригорки, звонкий смех, излучина реки,
Домашние спектакли, фанты.
Потом Сиена, Прага, Гейдельберг,
Монмартр, «Ротонда», Бакст, Шагал, Нижинский,
Кандинский, Добужинский и Стравинский
(На нем, единственном, темно-лиловый фрак),
Малевич, Ходасевич, Пастернак.

* * *

...вокруг было скучно...

М. Мурсалова

За окном порхали-плавали снежинки.
На вещах, на стенах, — всюду
Прыгали-кружились тени их.
Я сидел на диване с высокой спинкой
Посреди стоячего времени.

Где же было счастье, когда не только
Я, человек, не мог не маяться
От тоски, когда скучать
Ухитрялись даже ложка
И сахарница?..

А потом резко так раздались звонки,
Начались слишком бурные звуки
И сумерки,
Где и быть не с руки и не быть не с руки
Счастью скуки.

* * *

Французская такая тема:
Сидеть в кафе, тянуть вино,
Жевать багет, глазеть в окно
На фрезии и хризантемы.

Миф? C'est-à-dire, делите на два?
Я сам так думал, но когда
Гуляешь тут туда-сюда,
То понимаешь: это правда.

Не веришь, что так может быть,
Но вот сидят и точат лясы,
Грызут полусырое мясо
И выбегают покурить.

А это что за идиот,
Вот этот, самый молчаливый,
В углу уставился в блокнот?
Ах, это я! Ну да... Ну вот.

* * *

Извините за то,
Что я к вам обращаюсь,
Просто я долго ль, коротко ль
Развоплощаюсь.

Это я не к тому,
Чтобы вас тут разжалобить, просто
Есть такая история,
Братья и сестры:

Обруч плыл золотой
По морям без конца и начала,
А одна черепаха всплыла и слепой головой —
Бац! — в него-то как раз и попала.
Да... О чем это я?..
Вот забыл, извините, конечно...
Вспомнил! Льется фарфоровый свет
На бесхозные вещи,

Осенья террасу, сарай,
Озаряя дорогу...
Так что ад — тоже, может быть, рай,
Слава Богу.

Дмитрий Веденягин родился в 1959 в Москве. Автор поэтических книг: «Покров» (1993), «Трава и дым» (2002), «Между шкафом и небом» (2009), «Что значит луч» (2010), «Стакан хохочет, сигарета рыдает» (2015), «Домашние спектакли» (2015), «Птичка» (2018), «Папа говорит по телефону» (2020), а также переводов поэзии (А.Пууп, Т.Харди, Ч.Уильямс, К.Кролов, А.Шенье, П.Польжан, Я.Подсядло и др.) и прозы (М.Каннингем, И.-Ба-шевис Зингер, Брюс Чатвин и др.) Лауреат Большой премии «Московский счет» (2010), премии-стипендии Фонда Иосифа Бродского (2011), премии «Поэзия» (2019) и др. Ведущий цикла «Человек в других людях» в музее Пастернака в Переделкино.